

Белинский В. Г. Собрание сочинений. В 9-ти томах.

Т. 7. Статьи, рецензии и заметки, декабрь 1843 -- август 1845.

Редактор тома Г. А. Соловьев. Подготовка текста В. Э. Богграда. Статья и примечания Ю. С. Сорокина.

М., "Художественная литература", 1981.

[OCR Бычков М. Н.](#)

Театр! театр! каким магическим словом был ты для меня во время оно! Каким невыразимым очарованием потрясал ты тогда все струны души моей и какие дивные аккорды срывал ты с них!.. В тебе я видел весь мир, всю вселенную, со всем их разнообразием и великолепием, со всею их заманчивою таинственностью! Что перед тобою был для меня и вечно голубой купол неба с его светлозарным солнцем, бледноликою луною и мириадами томно блестящих звезд,-- и угрюмо безмолвные леса, и зеленые рощи, и веселые поля, и даже само море с его тяжело дышащею грудью, с его немолчным говором валов и грустным ропотом волн, разбивающихся о неприступный берег? Твои, о театр! тряпичные облака, масляное солнце, луна и звезды, твои холстинные деревья, твои деревянные моря и реки больше пророчили жадному чувству моему, больше говорили томящейся ожиданием чудес душе моей! Так сильно было твое на меня влияние, что даже и теперь,-- когда ты так обманул, так жестоко разочаровал меня,-- даже и теперь этот еще неполный, но уже ярко освещенный амфитеатр и медленно собирающаяся в него толпа, эти нескладные звуки настраиваемых инструментов, даже и теперь все это заставляет трепетать мое сердце как бы от предчувствия какого-то великого таинства, как бы от ожидания какого-то великого чуда, сейчас готового совершиться перед моими глазами... А тогда!.. Вот, с последним ударом смычка, быстро взвилась таинственная занавесь, сквозь которую тщетно рвался нетерпеливый взор мой, чтоб скорее увидеть скрывающийся за нею волшебный мир, где люди так не похожи на обыкновенных людей, где они или так невыразимо добры, или такие ужасные злодеи, и где женщины так обаятельно, так неотразимо хороши, что, казалось, за один взгляд каждой из них отдал бы тысячу жизней!.. Сердце бьется редко и глухо, дыхание замерло на устах,-- и на волшебной сцене все так чудесно, так полно очарования; молодое, неискушенное чувство так всем довольно, и -- боже мой! -- с какою полнотою в душе выходишь, бывало, из театра, сколько впечатлений выносишь из него!.. Даже и днем, если случится пройти мимо безобразного и неопрятного театра в губернском городе,-- с каким благоговейным чувством смотришь, бывало, на этот "великолепный" храм искусства,-- снять перед ним шапку как-то стыдно при людях, а остаться с покрытой головою казалось непростительною дерзостью. В каждом актере я думал видеть существо высшее и счастливое -- жреца высокого искусства, служению которого он предан бескорыстно и усердно и служением которому он счастлив... Ему -- думал я -- улыбается слава, ему гремят рукоплескания; он, словно чародей какой-нибудь, мановением руки, взором, звуком голоса, по воле своей, заставляет и плакать и смеяться послушную ему толпу; он возбуждает в ней благородные чувства, высокие помыслы; он рождает в ней любовь к добру и отвращение от зла... Велико его призвание, высок его подвиг,-- и как ему не смотреть с благоговейным уважением и на искусство, которому он служит, и на самого себя, которого возвышает служение искусству... Сделаться актером -- значило для меня сделаться великим человеком,-- и я чуть было в самом деле не сделался им,-- то есть актером, а не великим человеком... Мечты ребенка! Я и не подозревал тогда, что часть этих актеров была не служителем, а илотом искусства, и полное имела право смотреть на сцену, как на барщину; другая часть прикована была к театру, как чиновник к канцелярии, как сиделец к магазину; и что лучшие из этих "великих" людей были те, которых житейские расчеты были немного смешаны с самолюбием и высоким понятием о их мнимых или истинных талантах... Мне и в голову не входило, что у этих людей не было никакого понятия об искусстве и что они знали только ремесло, одни находя его более, другие менее тяжким и скучным... Все это я узнал уже после, расставшись с губернским балаганом, который я добродушно принимал за театр, и познакомившись с столичными... театрами, с вашего позволения... И я увидел их и, разумеется, на первый раз был еще больше очарован неотступным идолом души моей -- театром...¹ Но дух движется, растет и мужает, фантазия опережает действительность; вступающий в права свои разум² горделиво оставляет за собою и опыт, и рассудок, и возможность; в душе возникают неясные идеалы, и духи лучшего мира незримо, но слышимо летают вокруг вас и манят за собою в лучшую сторону, в лучший мир... Так и мне на театре стал мечтаться другой театр, на сцене -- другая сцена, а из-за лиц, к которым уже пригляделись глаза мои, стали мерещиться другие лица, с таким чудным выражением, так непохожие на жильцов